

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 23 августа 1881
11 августа

Отдельные номера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ **H. GEORG, Genève, rue de la Corraterie** и тамъ же принимается подписка, не болѣе какъ на 4 номера, съ доставкою на домъ во все города Европы и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; цѣна за 4 номера съ доставкою 2 франка. Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: *rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.*

СОДЕРЖАНИЕ:

1) Амнистія или терроризмъ. — 2) Извѣстіе о предстоящемъ политическомъ процессѣ; письмо Колькиной. — 3) Историческая Польша и великорусская демократія. М. Драгоманова. — 4) Хроника внутренней жизни: «Новая Газета» экс-профессора Модестова; еще двѣ жертвы еврейскаго вопроса. — 5) Дрезденское православное братство (письмо изъ Москвы). — 6) Русскіе искатели иностранныхъ тропинъ: I графъ Игнатъ въ Болгаріи. II графъ Лорисъ-Меликовъ въ Арменіи. — 7) Хроника рабочей вопроса: Лондонскій конгрессъ социалистовъ-революціонеровъ (продолженіе). — 8) Извѣстія и замѣтки: двѣ новыя группы Междуц. Общ. Раб.; предположеніе о конгрессѣ въ Винтертурѣ; избраніе Гамбетты.

Женева, 23 августа 1881.

Верховная власть всенародно объявила о своемъ твердомъ намѣреніи искоренить крамолу, не поступаясь правами самодержавія. Этимъ объявленіемъ она приняла на себя одну всю отвѣтственность въ случаѣ неуспѣха, потому что себѣ одной предоставила право, какъ устанавливать мѣры, такъ и выбирать людей для достиженія предположенной цѣли. Общество могло бы на этомъ и успокоиться; но, благодаря вопиющему азарту Баранова и призыву московскихъ публицистовъ къ поголовному поступленію въ полицію, завошевалось пуще прежняго. Началась перепалка меликовскихъ кружковъ съ людьми противнаго лагеря, стали печататься за границей и издаваться на казенныя деньги брошюры о средствахъ къ искорененію той же крамолы; отзывались земства, начали составлять адреса и посылать депутаций. На встрѣчу такъ называемой подпольной агитаціи шла агитація явная, но такъ какъ объ эти агитаціи шла по разнымъ слоямъ и поэтому не могли сталкиваться между собою, то вмѣсто того, чтобы ослабить другъ-друга онѣ, каждая въ свою очередь, произвели еще болѣе шумную сумятицу. Считая съ толку власть брошенную за собой въ Царствѣ, но

оттуда только и могли прислать что по экземпляру большаго и малаго осадныхъ положеній. Новому царствованію наступилъ уже шестой мѣсяцъ, а его глаза все еще не освоились со свѣтомъ, все еще не отвыкли видѣть предметы въ обратномъ положеніи, и его по прежнему продолжаютъ убаюкивать чинковы и хлестакоты новѣйшаго режима. Люди недалёковидные, и тѣ стали замѣчать, что правительству не справиться съ поставленною имъ задачею и что если провѣрить хорошенько, то его единственнымъ устоемъ въ государствѣ окажется войско, которое работаетъ и на югѣ, разстрѣливая народъ ради спасенія жидовскаго имуществъ, и на сѣверѣ, карауля дворцы, улицы, пристани и желѣзныя дороги отъ покушеній на особу царя. Желаннаго умиротворенія нѣтъ какъ нѣтъ; только новыя стѣсненія свободы слова и дѣйствія не перестаютъ нарождаться въ возрастающей прогрессіи.

Долго ли будетъ такъ продолжаться? — постоянно спрашиваетъ теперь всякій, живущій въ Россіи, невидя выхода изъ невыносимаго положенія.

Упорядоченіе чрезвычайныхъ мѣръ изданіемъ правилъ объ осадномъ положеніи, о чемъ такъ глубокомысленно толкуютъ публики петербургскіе либералы, не только не ослабляетъ тревожнаго смысла этого вопроса, но придаетъ ему еще большее значеніе, дѣлаетъ самый вопросъ громче и настоятельнѣе.

Для успокоенія общества, для того, чтобы всякій зналъ и былъ увѣренъ, что, ни изъ личныхъ побужденій, ни ради спасенія отечества, не посягнутъ на его личность, нужны мѣры прямо противоположныя объявленію страны въ осадномъ положеніи. Если же своего рода habeas corpus необходимъ для успокоенія людей ни въ чемъ неповинныхъ, не знающихъ за собою никакого поступка, за который они могли бы отвѣтить передъ закономъ,

то на сколько необходимымъ становятся гарантіи личной неприкосновенности для людей уже компрометированныхъ, но которые пожелали бы отказаться на будущее время отъ насильственныхъ дѣйствій введенныхъ ими въ систему.

Непужно обладать особою проникательностію, чтобы въ упорствѣ правительства *безпощадно преслѣдовать* (какъ оно не разъ выражалось) замѣшанныхъ въ революціонномъ движеніи, видѣть главную причину, побуждающую террористовъ продолжать начатое ими дѣло. Чего ради откажутся они отъ динамита и бомбъ, коль скоро всякаго попавшагося въ руки начальства изъ ихъ среды ожидается казнь или, по меньшей мѣрѣ, ссылка въ восточную Сибирь? Организуя нападенія, они въ тоже время сами организуются въ общество самозащиты, тѣмъ сильнѣе сплоченныя внутренне, чѣмъ опаснѣе затѣянное предпріятіе. Строгостію мѣръ, принятыхъ противъ распространенія социалистической пропаганды, правительство само загнало народниковъ въ терроризмъ, а теперь думаетъ искоренить террористовъ тою же строгостію въ сочтаніи съ *безпощадностію*! Тутъ нѣтъ здраваго смысла, а потому не можетъ быть и успѣха даже въ томъ случаѣ, если бы террористы остались въполнѣ изолированными революціонною партіей въ Россіи. Повторяемъ, для терроризма нападеніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и надежнѣйшій способъ самозащиты, слѣдовательно ослабленіе энергій нападенія можетъ послѣдовать не рѣдѣе, какъ по устраненіи необходимости защищаться. Ясно, кажется, что не *безпощадное преслѣдованіе*, всенародно объявленное правительствомъ при громѣ аплодисментовъ нашей печати всевозможныхъ отбѣнокъ, не исключая и меликовскихъ либераловъ, въ состояніи внести болѣеую человечность въ обострившуюся до крайности борьбу за существованіе нашихъ рево-

люционных элементов. Полное отрешение от чувства мести, несомнѣяемаго съ достоинствомъ верховной власти, забвение прошлаго, словомъ сказать *амнистія* — вотъ прямой и единственно надежный путь къ упорядоченію нашего революціоннаго движенія. Общество должно знать, что англодируя власти въ ся пенствствахъ, оно англодируетъ собственному цвѣтѣ и становится на скользкую дорогу потворства страстямъ въ ущербъ своимъ же собственнымъ интересамъ, потому что на немъ первомъ обрушивается разнузданность произвола и раздраженіе доведенныхъ до крайности этою разнузданностью.

Объявленія амнистии было бы однако еще недостаточно.

Амнистія освобождаетъ отъ судебного преслѣдованія, но не даетъ увѣренности въ защитѣ отъ административнаго насилія.

Если оправданнаго по суду несколько не стѣсняясь выселять административнымъ порядкомъ, то тѣмъ менѣе станутъ перемониться съ помилованнымъ при малѣйшемъ подозрѣніи, зародившемся на его счетъ въ головѣ перваго встрѣчнаго урядника. Подозрѣнія тѣмъ болѣе возможны, что отъ амнистированного никакого *раскаянія* не требуется, и только при этомъ условіи и возможно принятіе амнистии большинствомъ. Слѣдовательно, чтобы ослабить болѣзненное напряженіе первыхъ гонимыхъ и укрывающихся цѣлые годы, чтобы дать имъ спокойно анализировать свое прошлое и осмотрѣться въ новой жизни, т. е. чтобы сдѣлать ихъ не покорными власти, а здравомыслящими дѣятелями среди общества и народа — необходимы законныя гарантіи личности, ограждающія отъ всякаго произвола со стороны администраціи:

Такими гарантіями служатъ:

во 1-хъ) полная и безповоротная отмена выселки административнымъ порядкомъ по дѣламъ политическимъ;

во 2-хъ) уничтоженіе всякихъ временныхъ и чрезвычайныхъ судовъ;

въ 3-хъ) предоставленіе обвиняемому въ политическомъ преступленіи всѣхъ закономъ установленныхъ средствъ защиты.

Мы выставляемъ этотъ минимумъ требований въ полной увѣренности, что и къ нему не приклонятъ уха наши нынѣшніе государственные дѣтели, придумывающіе въ настоящее время способы для введенія въ дѣйствіе проекта статей-секретаря Каханова. *)

(*) См. ниже въ отдѣлѣ хроники внутренней жизни.

Но чѣмъ бы ни были заняты головы нашихъ правителей, общество должно помнить, что *застой* не устанавливаетъ спокойствія, а напротивъ вызываетъ на отчаянную борьбу съ препятствіями къ поступательному движенію, на борьбу, въ которой страстность естественно беретъ верхъ надъ здравомысліемъ. Общество, отстаивающее свое право на существованіе, должно постоянно и настойчиво твердить во всеуслышаніе старую истину, что гдѣ господствуетъ *произволъ*, тамъ нѣтъ и быть не можетъ порядка, потому что всѣ силы, работающія для упорядоченія социальныхъ отношеній, на каждомъ шагу сталкиваются съ произволомъ, который становится поперекъ естественному ихъ теченію и такимъ образомъ самъ подставляетъ себя подъ удары волнъ народной жизни, тѣмъ болѣе сильныя, чѣмъ меньше простора предоставляется разнузданности волнъ.

Мы получили извѣстіе, что по дѣлу о *Колоткевичъ, Морозовъ, Сухановъ, Иванчинъ-Писаревъ* и другихъ 50-ти лицахъ, арестованныхъ по подозрѣнію въ принадлежности къ террористической партіи, министръ внутреннихъ дѣлъ согласился съ заключеніемъ министра юстиціи о томъ, чтобы предать суду только *шесть* человекъ. Изъ остальныхъ арестованныхъ предположено однихъ вовсе освободить отъ судебного преслѣдованія, другихъ выселять административнымъ порядкомъ, а третьихъ отдать подъ гласный и негласный надзоръ полиціи отъ 3-хъ до 5-ти лѣтъ. По введенію порядку, заключеніе обоихъ министровъ должно поступить на высочайшее утвержденіе.

Намъ сообщаютъ, что на Кубани получено письмо *Колыкиной* къ матери и дѣтямъ, писанное въ день свѣтлаго Христова Воскресенія изъ Иркутской сѣльно-каторжной тюрьмы. Большая Колыкина препровождаетъ свою фотографическую карточку и проситъ родныхъ не печалиться и находить утѣшеніе въ воспоминаніи о подвигахъ величайшаго изъ людей, ради любви къ ближнему принявшаго мученическую смерть на крестѣ. Ей доставляетъ удовольствіе ходить въ церковь по праздникамъ, для чего ей позволяютъ одѣваться въ черное платье и вмѣсто тяжелыхъ арестантскихъ сапоговъ или валенокъ обувать ноги въ легкіе ботинки.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТИЯ.

I.

Настоящее революціонное и вообще оппозиціонное движеніе въ Россіи напоминаетъ то, котораго мы были свидѣтелями въ 1860—1863 гг., хотя, конечно, представляеть и крупныя различія. Какъ тогда, такъ и теперь, главнѣйшіе вопросы, которые занимають мыслящихъ людей въ странѣ, — это вопросы социально-экономическіе. Но такъ какъ опытъ доказываетъ и теперь, какъ доказывалъ это въ шестидесятые годы, когда главнымъ вопросомъ было дѣло освобожденія крестьянъ, что самодержавный царь съ своими еще болѣе самодержавными чиновниками не можетъ рѣшить хоть скольконибудь удовлетворительно насущныхъ вопросовъ страны, то сама собою передъ мыслящими людьми ставится задача — перемѣны политическаго устройства государства такимъ образомъ, чтобы страна сама могла управляться съ своими дѣлами. Кромѣ того подобной перемѣны требуютъ самыя элементарныя потребности личности: личной неприкосновенности, свободы совѣсти, національности и т. п. интересы, ежедневно нарушаемыя властями стоящими надъ контролемъ населенія.

Но кто помнитъ 60-е годы, тотъ, конечно, не забудетъ, какое живое участіе принималъ въ тогдашнемъ оппозиціонномъ движеніи элементъ польскій въ Россіи и за границей. Поляки тогда готовились къ своей революціи, — а потому всячески торопили революціонную высылку и въ остальной Россіи. Теперь не то: Варшава почти спокойна. Если и въ ней происходятъ аресты социал-демократовъ, то происходятъ какъ то въ тихомолку. Широкая публика даже не знаетъ, за что тамъ арестовываютъ людей, тѣмъ болѣе, что догадливое правительство избѣгаетъ дѣлать судебные процессы польскимъ социал-демократамъ, а расправляется съ ними административнымъ порядкомъ. Польская заграничная печать или молчитъ объ этихъ арестахъ, или сообщаетъ о нихъ краткія свѣдѣнія, но которыми нельзя составить себѣ яснаго понятія объ отгнѣнкахъ политическихъ мнѣній тѣхъ поляковъ, которые навлекли на себя административныя преслѣдованія царскаго правительства. Эмиграціонный социалистическій органъ польскій, который было начать выходить нѣсколько времени тому назадъ въ Швейцаріи, выражалъ, конечно, нѣсколько разъ сочувствіе „русскимъ революціонерамъ“, но не высказался ясно относительно послѣдняго, явно политическаго, направленія, принятаго наиболѣе дѣятельными изъ „русскихъ революціонеровъ“. Еще болѣе темнымъ остается отношеніе польскихъ социалистическихъ круговъ, даже такихъ, которые имѣютъ случай высказываться печатно, къ политическому, и неизбѣжно и національному, вопросу въ Польшѣ. Нѣсколько голосовъ, какіе можно видѣть въ брошюрахъ г. Болеслава

Димановскаго („Sozializm jako konieczni rezultat dziejowego rozwoju“ и „Patriotyzm i Socializm“), а также въ газетѣ „Równosc“, довольно абстрактны и несовѣсны ясны, а часто противорѣчивы даже на страницахъ одного и того же изданія.

Можно сказать, что поляки, — какъ поляки, — не только не принимаютъ активнаго участія въ теперешнемъ политическомъ движеніи въ Россіи, но и не составили себѣ опредѣленнаго мнѣнія о томъ, какъ отнестись къ этому движенію.

Съ другой стороны, читая заявленія представителей этого движенія (газеты: „Земля и Воля“, „Народная Воля“, прокламаціи „исполнительнаго комитета“), мы понимаемъ, что полякамъ трудноато иначе и относиться къ нему, какъ сдержанно, — не забываю даже отъ той или другой частной формы, которую оно принимаетъ по временамъ. Полякамъ трудно выбрать себѣ мѣсто въ этомъ движеніи, — которое носитъ на себѣ слѣдственный, „русскій“, характеръ. Само собою разумѣется, что время отъ времени русскіе революціонеры произносятъ въ своихъ заявленіяхъ слова сочувствія „независимой Польшѣ“ или „своимъ польскимъ братьямъ“, — но слова эти сдѣлались общимъ мѣстомъ всякой революціонной группы въ Европѣ, — и „русскими“ революціонерами послѣднего времени произносятся столь абстрактнымъ образомъ, что, собственно говоря, теряютъ всякое реальное значеніе. Правда также, что послѣднія печатныя программы „русскихъ“ революціонеровъ общаются самоуправленіе каждой области (хотя на счетъ національныхъ правъ говорятъ все такъ темно), — но вообще эти программы говорятъ исключительно отъ имени „русскаго“ народа, объ „русскомъ“ народѣ, — и изъ немногихъ частныхъ объясненій, которыя проскальзываютъ въ этихъ программахъ и заявленіяхъ органовъ „русскихъ революціонеровъ“, напр. изъ ссылокъ на исторію, народный бытъ и его учрежденія и преданія, — оказывается, что подъ словомъ „русскій“ народъ они разумѣютъ, какъ это обыкновенно и бываетъ въ разговорномъ языкѣ, — народъ великорусскій, хотя страннымъ образомъ, они тутъ же насчитываютъ то 70, то 80, то 90 миллионовъ этого „русскаго“ народа, вмѣсто 40, каковыя находятся въ действительности. Можно предположить, что „русскіе“ революціонеры разумѣютъ въ послѣднемъ случаѣ всѣхъ гражданъ (подданныхъ) Россіи, называемой иначе „русскимъ“ государствомъ, хотя въ этомъ случаѣ уже не можетъ быть мѣста ссылокъ на народный бытъ, бытъ, учрежденія и исторію, — вещи, которыя у разныхъ народовъ Россіи разные. Но дѣло въ томъ, что есть народы, которыхъ самая принадлежность къ Россіи, — а тѣмъ болѣе выражаемая словомъ „русское“, великорусское государство, — сопровождается нарушеніемъ ихъ интересовъ, столь вопиющимъ, что одно уже напоминаніе объ этой принадлежности вызываетъ у нихъ болѣзненное чувство. Народы эти могли бы отказаться отъ желанія вырваться изъ стѣнъ этого государства только тогда, если бы имъ предложена была возможность

такого преобразования этого государства, при которомъ всѣ существенныя интересы ихъ нравственной и матеріальной жизни были бы вполне обезпечены. Само собою, что въ такомъ случаѣ они бы принесли съ своей стороны и всѣ возможные пожертвованія, чтобы и отъ себя помочь достиженію такого преобразования „русскаго“ государства.

По видимому теперешніе „русскіе“ революціонеры и предполагаютъ подобное преобразование, когда обращаются къ восьмидесятимиллионному русскому народу. И если бы исходъ дѣла зависѣлъ отъ доброй воли обращающихся лицъ, — людей, сколько извѣстно, чуждыхъ всякаго честолюбія и національныхъ предразсудковъ, — то отъ торжества ихъ надъ „русскимъ“ же правительствомъ эти восемьдесятъ миллионовъ „русскихъ“ могли бы ожидать всякаго счастья, въ томъ числѣ областной и національной независимости. Но бѣда въ томъ, что ходъ исторіи мало зависитъ отъ добрыхъ чувствъ отдѣльныхъ личностей и что даже исходъ революцій мало зависитъ отъ чувствъ и расчетовъ ихъ инициаторовъ; — и даже болѣе: по болѣе части завтрашнее поведеніе самыхъ политическихъ дѣятелей не всегда зависитъ отъ ихъ сегодняшнихъ обѣщаній, такъ какъ, даже при полной ихъ личной честности, они могутъ быть увлечены совѣмъ на неожиданный путь обстоятельствами, желаніемъ овладѣть ими, наконецъ интересами и привычками тѣхъ сферъ, изъ которыхъ вышли эти дѣятели и на которыя они должны по необходимости опираться и т. д. Такъ напр. „исполнительный комитетъ“, который побѣдилъ до сихъ поръ личность императора Александра II, хотя еще не побѣдилъ самодержавіа въ русскомъ государствѣ, ставитъ ближайшею цѣлью переворота въ Россіи созывъ „учредительнаго собранія“, избраннаго поголовно подачею голосовъ. Но мы уже знаемъ изъ исторіи Франціи, что центральныя представительныя собранія не ведутъ за собою непременно даже политической свободы, не говоря уже о неприкосновенности негосударственныхъ національностей или объ областномъ самоуправленіи. Примѣръ Германіи показываетъ намъ республиканцевъ и чуть не социалистовъ 1848 г. отвергающихъ „отдѣльное положеніе“ польской Познани и вотнующихъ включеніе ея въ нѣмецкую имперію и слѣдовательно предоставленіе ея политикѣ германизации. Въ Австріи мы видимъ цѣлые народы, отказывающіеся посылать депутатовъ въ центральный парламентъ, пока не будетъ обезпечена неприкосновенность ихъ національности и мѣстное самоуправленіе, которыя могутъ быть затерты извѣстнымъ составомъ центрального парламента. Посему мы видимъ примѣры политиковъ, которые начинали свою карьеру радикальнымъ направленіемъ и даже баррикадами и которые становились деспотами, спасая „единство государства“, необходимое, какъ имъ казалось, для огражденія „свободы и прогресса“ отъ попятности „сепаратизма“, по ихъ мнѣнію, символа „реакціи“. Мы не видимъ причины, почему бы не повториться всему этому и въ Россіи, если только отбѣна

царскаго самодержавія не будетъ сопровождаться широкой мѣстной свободой и серьезными гарантіями для неприкосновенности національностей, — что невозможно, если самая борьба противъ теперешняго политическаго строя не будетъ устроена на федеративномъ началѣ, — на отрицаніи „единства Россіи“ или „единства русскаго народа“.

Но объ этомъ послѣднемъ „русскіе революціонеры“, кажется, мало думали, — а центральническая терминологія ихъ прокламацій („русскій народъ“ вмѣсто „народы Россіи“) заставляетъ думать, что не совѣмъ неправы были иностранныя газеты, (въ томъ числѣ благопріятная русской революціи газета Рошфора) которыя говорили, что „исполнительный комитетъ“ старается о сохраненіи за собою „русскаго“ національнаго характера. А между тѣмъ именно эта великорусская исключительность „исполнительнаго комитета“, намѣренная, или нѣтъ, — но вдвойнѣ странная, при преобладаніи среди членовъ его украинцевъ и евреевъ по происхожденію, и есть одна изъ причинъ поверхностности его вліянія на массы населенія Россіи: массы великорусскія, по развитому въ нихъ 500 лѣтнею исторіею поклоненію царю, не сочувствуютъ борьбѣ русскіхъ революціонеровъ именно съ царемъ; — не великорусскіе же народы революціонеры не сумѣли заинтересовать въ этой борьбѣ. Понятно, почему поляки, которые до сихъ поръ желали не преобразования Россіи въ интересахъ ихъ народности, а полного отдѣленія отъ Россіи, — съ сохраненіемъ Романова польскимъ королемъ, или же безъ оного, — теперь не могутъ принимать близко къ сердцу движеніе, которое не идетъ открыто противъ единства Россіи.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ поляки не выступаютъ изъ прежней своей программы отдѣленія отъ Россіи. Такимъ образомъ можно сказать, что „русскіе“ революціонеры не имѣютъ ясной программы касательно перусскихъ областей, въ томъ числѣ и Польши, — а поляки не имѣютъ ясной программы касательно теперешняго кризиса въ Россіи, — а это обстоятельство, отнимая возможность дружнаго дѣйствія всѣхъ элементовъ противныхъ русскому самодержавію, — не можетъ не быть благопріятно для продленія дней этого послѣдняго.

Впрочемъ эта безпрограммность или нецѣлѣбность программы, отличающей реальному положенію вещей, составляетъ давнюю особенность польско-великорусскихъ отношеній. Эти обстоятельства въ значительной степени способствовали самому развитію централизаци и деспотизма въ области великорусской и превращенію ея въ центръ деспотической російской имперіи, — а за тѣмъ способствовали развитію и сохраненію царской диктатуры и чиновническаго деспотизма въ этой имперіи. Эти же обстоятельства спасли деспотизмъ и централизацию и въ шестидесятыя годы, — обусловивъ собою крупныя ошибки польскихъ и великорусскихъ революціонеровъ въ 1860—1863 гг.

Мы постараемся доказать это краткимъ образомъ польско-московскихъ отношеній въ старыя времена и болѣе подробнымъ обзоромъ

ромъ отношеній польскихъ и великорусскихъ революціонеровъ въ эпоху къ намъ ближайшую, — чтобъ подь конецъ вывести заключеніе логически вытекающее изъ уроковъ исторіи и могущее, по нашему мнѣнію, служить практическимъ наставленіемъ для дѣятельности въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ.

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Либеральная почта въ Россіи избрала себѣ благую часть: служа выразительницею желаній буржуазнаго меньшинства она не горитъ и не топчетъ. Не успѣла правительственная кара постигнуть „Голосъ“ г. Краевского, какъ на мѣсто упраздненнаго органа появилась „Новая Газета“ г-на Модестова, не имѣющая ни имени, какъ показываетъ ея безсодержательное названіе, ни собственнаго знамени, а просто на просто принявшая невнятное знамя нашего либерализма изъ рукъ собрата и благодѣтеля. Говоримъ *благодѣтеля*, потому что экз-профессоръ Модестовъ, не смотря ни на какую бѣготню за заводчикомъ Демидовымъ Сантъ-Донатомъ (онъ же шталмейстеръ двора Е. В.), не могъ реализовать уже давно полученнаго имъ права издавать ежедневную газету, еслибы это право не представилось выгодною спекуляціей въ глазахъ А. А. Краевского, Вильбасова и К°. Значитъ не гражданское мужество было причиною невольнаго молчанія г-на Модестова и не оно подвинуло экз-профессора „выступить на служеніе обществу со своимъ печатнымъ органомъ“.

Какъ вѣрный слуга своихъ милостивцевъ, издатель-редакторъ „Новой Газеты“ начинаетъ свое поприще панегирикомъ прошлогоднему режиму, забывая мудрое правило не говорить о прошлогоднемъ сибѣ. Но видно такъ *нужно*, таково ужъ свойство унаследованнаго знамени, что безъ древка изъ высокопоставленныхъ покровителей оно держаться не будетъ. Впрочемъ это личное дѣло редакціи; мы не понимаемъ только по какому праву она заявляетъ о своемъ служеніи обществу и народу, когда тутъ же свидѣлствуетъ, что служитъ вѣрою и правдою издателямъ „Голоса“ и безпріютнымъ послѣдователямъ меликовского ничего не дѣланія.

Редакція не раздѣляетъ однако послѣдняго взгляда на дѣятельность экз-министра Лорисъ-Меликова и обличая „Московскія Вѣдомости“, утверждаетъ, что неправда будто бы „либеральный режимъ“ не былъ озабоченъ постановкою чрезвычайныхъ мѣръ общественной безопасности на законную почву; неправда будто бы правительство въ прошломъ году не было озабочено пониженіемъ выкупныхъ платежей и реформою бюджета, а также упраздненіемъ дѣльных управленій, — что, замѣтимъ, въ мнѣніи „Московскихъ Вѣдомостей“ ни коимъ обра-

зомъ не могло казаться предосудительнымъ, и въ дѣйствительности ст. сов. Катковъ говорилъ не „объ упраздненіи (horribile dictum!)“ учреждений, а объ „удаленіи многообразныхъ неудобствъ нашихъ“.

Что же выходитъ на повѣрку?

Выходитъ, изволите видѣть, что статсъ-секретарь Кахановъ продолжаетъ въ настоящее время дѣло, основаніе которому было положено въ прошломъ году. Это дѣло, какъ извѣстно уже читателямъ „Вольнаго Слова“, состоитъ въ выработкѣ большаго и малаго осаднаго положенія для различныхъ полостей Россіи, смотря потому, находятся ли онѣ по мнѣнію составители проекта въ „состояніи нарушеннаго спокойствія“ или „въ состояніи опасности“, какъ это объяснено ниже въ газетѣ г-на Модестова, въ статьѣ подъ рубрикой: „проектъ положенія о *чрезвычайныхъ мѣрахъ*“. И этотъ-то проектъ о *чрезвычайныхъ мѣрахъ* редакторъ „Новой Газеты“ называетъ постановкою мѣръ общественной безопасности на строго законную почву!

Далѣе, зри, т. е. безъ совѣта съ выборными отъ земли, измышленный канцеляріей министерства внутреннихъ дѣлъ проектъ Лорисъ-Меликова о пониженіи выкупныхъ платежей „Новая Газета“ называетъ серьезною и „основательною“ работою „либеральнаго режима“.

Высочайшее повелѣніе о невыпускѣ впредь бумажныхъ денегъ и о постепенномъ погашеніи прежде выпущенныхъ „Новая Газета“ считаетъ доказательствомъ „серьезнаго *намѣренія приступить* къ реформѣ бюджета“. Никто не обвинялъ „либеральный режимъ“ въ недостаткѣ „намѣреній“, его обвиняли въ *бездѣятельности*; но по мнѣнію наслѣдниковъ „Голоса“ намѣреніе и дѣйствіе — понятія тождественныя. За тѣмъ, эти господа по видимому не догадываются, что измѣненіе системы налоговъ (реформа бюджета) и улучшеніе валюты кредитнаго рубля — двѣ совершенно различныя финансовыя задачи *).

Наконецъ редакція „Новой Газеты“, упомяная объ упраздненіи III отдѣленія именно въ прошломъ году, какъ бы ставитъ это упраздненіе въ заслугу тому же „либеральному режиму“. Редакція спрашиваетъ: „какое другое упраздненіе, по своему общественно-государственному значенію, могло бы равняться съ однимъ этимъ упраздненіемъ?“ Отвѣчаемъ: — Упраздненіе министерства почтъ и телеграфовъ. — Оба эти упраздненія тождественны по своему общественно-государственному значенію, такъ какъ министерство почтъ и телеграфовъ и III-отдѣленіе оба были перенесены въ департаменты, и съ присоединеніемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ не измѣнили нисколько своего характера. Даже должность шефа жандармовъ исчезла только по имени, такъ какъ *права* этой должности всецѣло перешли къ министру внутреннихъ дѣлъ. Пресловутое упраздненіе III-го отдѣленія есть не заслуга „либеральнаго ро-

*) Экз-профессоръ Модестовъ не былъ ли когда нибудь преподавателемъ логики?

жима“ передъ обществомъ и народомъ, а доказательство фальши этого режима, за отсутствіемъ нравственной силы и всякой определенной программы дѣйствія, думавшаго управлять страной при помощи замаскированныхъ обмановъ, подтасовокъ и перекладокъ, возведенныхъ имъ въ принципъ политической нравственности.

Чтобы Вамъ, г-нъ Модестовъ, калѣчу на частъ въ редакціи „Голосъ“ и неудачному сопернику Леониду Спичакова въ ухаживаньи за Демидовымъ Сантъ-Донатомъ вполнѣ уяснить себѣ заслуги либеральнаго режима въ дѣлѣ упраздненія III-го отдѣленія, достаточно узнать (сами Вы этого, конечно, узнать не могли бы), что III-е отдѣленіе упразднено по предложенію его послѣдняго управляющаго, который, замѣтите хорошенько, предложилъ въ тоже время упразднить и отдѣльный корпусъ жандармовъ, сливъ его съ общою государственною полиціей, а административную ссылку по его мнѣнію слѣдовало вовсе отмѣнить. Было бы по меньшей мѣрѣ странно заподозрить управляющаго III-мъ отдѣленіемъ въ желаніи популяризовать; тѣмъ не менѣе сдѣланное имъ предложеніе показалось ужъ черезъ чуръ передовымъ. Говорятъ, Черевинъ расплакался, услышавъ о такомъ отступничествѣ собрата и по волѣ всемогущаго вице-императора прошлаго царствованія III-е отдѣленіе упразднено только по имени; корпусъ жандармовъ такъ и остался учрежденіемъ *политической* полиціи, съ *номинальнымъ* подчиненіемъ начальниковъ жандармскихъ управленій губернаторамъ или съ *фактическимъ* подчиненіемъ этихъ послѣднихъ департаменту государственной полиціи (тому же III-му отдѣленію); а высылку административнымъ порядкомъ такъ и не удостоили признать бесполезною для внутренняго спокойствія и крайне стѣснительною для общества мѣрою. По слухамъ, сообщаемымъ въ Вашей же или г-на Краевского „Новой Газетѣ“, рѣшено только *упорядочить* эту высылку, „признавъ“, что высылка должна утратить свой безсрочный характеръ и что самое рѣшеніе должно исходить отъ особой коммисіи, спеціально изъ особыхъ лицъ составленной“.

И такъ, „либеральный режимъ“ Лорисъ-Меликова роди Каханова; Кахановъ роди коммисію о *чрезвычайныхъ мѣрахъ*, коммисія роди *чрезвычайную коммисію* о пребывающей изъ рода въ родъ неизмѣнною, нынѣ и пріено сущей административной высылкѣ.

Таковы въ концѣ концовъ заслуги передъ обществомъ и народомъ либеральнаго режима, оставаемаго расцвѣтшею подъ его сѣнью нашею петербургскою печатью.

Эти строки были уже написаны, когда телеграфъ принесть намъ извѣстіе о сдѣланномъ „Новой Газетѣ“ предостереженіи съ воспрещеніемъ розничной продажи, за статью: *Свобода печати* (фельетонъ?).

Возмущаясь прислужничествомъ нашего либерализма правительству и всякимъ высокопоставленнымъ лицамъ, послѣдствіе чего собственнo мы и высказали редакціи „Но-